

Роман Приходько

КОНЕЧНАЯ

Роман Приходько

Конечная

Поезд замедлял ход. Видно, скоро будет станция. Я потушила сигарету и направилась допивать уже давно остывший чай. В проходе выстроилась вереница пассажиров, готовившихся выходить.

– Давай пропустим бабулю! – молодой парень прижал к себе белокурую девушку, предоставив мне возможность протиснуться в своё купе.

«Вот и дождалась. До смерти Андрюши ещё ни разу не доводилось слышать в свой адрес – «бабуля». Наверное, стоило всё-таки немного подкраситься. Хотя... чего уж хорохориться, когда минул седьмой десяток, – с такими мыслями я присела у окна и зажмурилась под ласковыми лучами июньского солнышка. Но насладиться теплом лета не позволило сердце. Грудь сдавило тисками ноющей боли. То ли сказывалась пятая сигарета за день, то ли воспоминание о смерти любимого человека. Скорее всего, и то и другое. Ведь не курила я уж почитай полвека, а жизнь в полном одиночестве – страшнее каторги.

Вагон дёрнулся и затих. Сквозь приоткрытое окно донеслись крики встречающих, приглушенные рокотом вокзальной суеты. Хриплый голос дежурного объявил прибытие поезда из Ленинграда.

Глаза открывать не хотелось. Я наощупь достала пластинку валидола, сунула таблетку под язык. Хорошо хоть в купе осталась одна: пожилой мужчина с соседнего места вышел на предыдущей остановке. Теперь не надо ловить на себе прищуренный взгляд из-под его толстых очков и надеяться, что он не узнает во мне певицу, известную в сороковых годах всему Ленинграду... Эх, как же давно это было!..

После неразборчивого «карканья» вокзальных динамиков, незаметно тронулся поезд. Мягкий перестук колёс стал своего рода успокоительным. Боль в груди понемногу стихла. Состояние полудрёмы накрыло с головой, пробудив отблески далёких воспоминаний. Снова, который раз за неделю, выплыла сцена расставания с Андреем в первые дни войны.

Мы тогда ссорились на берегу Невы из-за того, что лейтенант Локтев, выпускник Интендантской академии, написал рапорт о направлении его в действующие части Красной Армии, вместо предложенной должности при штабе округа. А если короче – Андрей рвался на фронт. Как я ни плакала, как ни умоляла – всё зря! Он стоял на своём и ещё стыдил меня за расчётливость, приспособленчество... В итоге мы сильно поругались. Я обозвала его сволочью, самым ругательным словом, которое знала, и убежала домой. Потом, нарыдавшись в подушку, до меня, наконец, дошло, что мы ведь можем уже и не встретиться, что я люблю его безмерно, что ещё неизвестно, как бы я относилась к нему, будь он «разъевшейся тыловой крысой».

Вот я бегу со всех ног на Московский вокзал. Раннее утро. Улицы города заполнены людьми. Повсюду военные с оружием, хриплые сигналы машин. Трамваи набиты рабочими, даже на подножках висят. Какая-то всеобщая истерия витает вокруг. Хмурые лица, торопливые шаги, усталые глаза – как же в одночасье изменился любимый Ленинград. Улыбки, смех и радость навсегда забрала война.

На вокзале не протолкнуться. Всё перемешалось. Крики офицеров, гудки паровозов, женщины, голосащие навзрыд, «Прощание Славянки» небольшого оркестра, свистки дежурного, бряцанье оружия, топот сотен людей – я просто влилась в это море горести, отчаянья, смертной тоски и потерялась в нём, утонула, задыхаясь бессилием.

Андрея найти так и не удалось. Правда, мне показалось, что в одной из теплушек мелькнуло лицо любимого, но пробиться сквозь толпу, движущуюся вслед

за уходящим поездом, я не смогла.

Домой брела, не разбирая дороги. Напрочь забыла о сегодняшней репетиции в театре, куда ходила два раза в неделю на кружок актёрского мастерства. Слезы душили сердце, затмевали взор. Я ненавидела себя, свой характер, проклятую войну, фашистов. Хотелось броситься в Неву и плыть, плыть, плыть, пока хватит сил. Затем просто расслабиться, отдаться на милость волн, наконец – захлебнуться горем, наказать себя за глупость.

Во дворе меня встретила мама с чемоданом. Она ругалась, что-то кричала и куда-то тянула меня. Помню полупустой трамвай, обрывки наставлений, конверт с адресом, который мама сунула в мою сумочку и снова тот же вокзал. Давка на перроне, плач детей, необъятные узлы, свёртки, откровенную матерщину кондуктора и... прощальные объятия матушки. Её слёзы на моей щеке, пахнущие лавандой волосы, ласковый шёпот...

Занятая своими проблемами, я очнулась уже в тамбуре вагона. Меня сдавили со всех сторон чемоданами, баулами; на руке повисла двухгодовалая девочка, захлёбывающаяся в истерическом припадке. Весь поезд превратился в разверзшийся ад. Через плечо кондуктора я успела заметить мелькнувшее мамино лицо и её любимое голубое платье.

Так прошло расставание с ещё одним дорогим человеком, а также с родным городом, юностью и всем, что было до войны. Скрипящий на стрелках вагон увозил меня прочь из первой, самой светлой половины моей жизни. Как и сейчас, я ехала тогда в Москву.

Девочку успокоили, пассажиры немного утрамбовались, перестали скандалить. Все обсуждали лишь одно. Оказывается, вчера, десятого июля, фашисты прорвали нашу оборону и двинулись к Ленинграду. Ни у кого в голове не укладывалось, как такое могло произойти. Двадцать дней войны, а оккупанты уже на пороге колыбели Революции, у стен города Ленина. Особо, конечно, никто не возмущался, но во всём чувствовались недосказанность, упрёк в адрес руководства страны. И естественно, каждый примерял свою судьбу к неизвестному будущему, надеясь на лучший исход.

Поезд потихоньку втянулся в населённый пункт. Пути у перрона были заняты, и его поставили на запасной. Два эшелона загорали здание вокзала, лишь по половинкам букв угадывалось название станции. Это была Луга.

Проводник кое-как выбрался из вагона и куда-то убежал. Минут через десять он вернулся с неутешительной новостью, что стоять придётся очень долго. Изнывающие от духоты пассажиры в большинстве своём посыпали на свежий воздух. Остались только те, кто боялся оставить вещи без присмотра.

Я тоже спрыгнула с подножки и направилась к перрону в надежде повстречать среди военных своего Андрея. Чтобы добраться до здания вокзала, пришлось пролезть под двумя вагонами. Не успела я отряхнуть руки и поправить платье, как со всех сторон раздались крики – «Воздух!».

Что тут началось – трудно даже представить. Солдаты, выгрузившиеся из эшелона, бросились врассыпную. Где-то со стороны головы поезда донеслись выстрелы. Тут же над станцией с оглушительным рёвом пронеслись четыре самолёта. Я успела заметить чёрно-белые кресты на крыльях. «Вот они, фашисты проклятые! Правду говорили, что они уже близко» – только и успела подумать, как меня схватил за руку невысокий боец в каске и силком потянул к длинному складу, стоявшему чуть позади вокзала.

Когда мы уже почти добежали до края перрона, с севера, нам навстречу, показались вражеские самолёты. Они летели низко, едва не касаясь макушек

деревьев, словно подкрадывались. Вдруг на крыльях первой пары заблестели огоньки. В тот же миг по насыпи побежали фонтанчики взрытой земли вперемешку с крошевом гравия, по ушам ударил треск близких выстрелов.

Солдат отпустил мою руку, нырнул под вагон. Я же засемила каблучками туфель по ступенькам, споткнулась, но упасть по инерции не успела. Чудовищной силы удар в бедро развернул моё тело, сломал пополам и отбросил к насыпи. Последнее, что я запомнила тогда – обжигающую адскую боль, отключившую сознание.

Очнулась в местной больничке, правда – ненадолго. Сестра потом рассказывала, что от моего крика перепугались все раненные и дежурный медперсонал. Мне же этого увидеть не довелось. Невыносимая боль от попытки сестры парализовала и снова ввергла в пучину беспамятства.

Второй раз сознание вернулось украдкой. Сквозь прикрытые веки тихонько выплыла полоска яркого света. Я почувствовала, как кто-то уколол меня в изгиб руки и звякнул металлом о перекладину кровати. Потом, где-то сзади, послышалось:

– Семёновна, а что сегодня на обед?

Измученный, но приятный, как у мамы, голос ответил:

– Тебе, Людочка, худеть надо! А ты всё о еде только и думаешь.

– Та ладно вам, Семёновна! Я же не о пирогах мечтаю – тут хоть бы чего пожевать-то, – с обидой возразила Людочка.

Я медленно открыла глаза и пошевелила пальцами уколотой руки. Язык прилип к нёбу, ужасно хотелось пить. Тело всё затекло, правая нога горела огнём.

– Проснулась, сердешная? – к моему лицу склонилась далеко немолодая женщина с приветливой улыбкой и добрыми морщинками в уголках глаз. Белоснежная косынка скрывала лоб и волосы медсестры.

– Пить, – выдавила я еле слышно.

– Нельзя тебе, родная! Ты только после операции, и жар у тебя! – Семёновна отвернулась, послышалось журчание воды из отжимаемой ткани. – Вот, всё что могу! – она снова приблизилась и мокрым бинтом смочила мои пересохшие губы.

Я приподняла голову – ноги на месте. Немного отлегло от сердца. Шевелиться побоялась, вспомнив кошмарные последствия от предыдущего прихода в сознание. Повернув голову, я увидела две кровати, на которых лежали женщины. У одной была подвешена забинтованная нога, другая с перевязанной рукой. Позже мы все близко перезнакомились и помогали друг дружке, чем могли. Вернее, мне помогали! Потому как я дольше всех не могла вставать. Оказалось, что у меня раздроблено бедро и едва не началась гангрена. «Чудом выжила», – сказал Пётр Вениаминович, главврач больницы.

К концу июля отчётливо стало слышно канонаду фронта. Я едва могла передвигаться на костылях, когда больницу стали эвакуировать. Уезжали все, кроме Семёновны. Её муж в «финскую» потерял обе ноги, и она не могла его оставить. А как только я стала собираться домой, в Ленинград, Пётр Вениаминович попросил Семёновну, чтобы приютила меня на время, пока кости лучше срастутся. «Иначе, – сказал он, – ты, Анна, можешь остаться калекой. Любые встряски грозят тебе запретом иметь детей...»

Этот приговор подействовал лучше всяких доводов, да и сестричка уговаривала остаться. Так я обрела вторых родителей. Иван Васильевич, муж Семёновны, сразу окрестил меня дочкой и иначе не называл.

Несмотря на ранение, обузой я не стала. Пока старики хлопотали по хозяйству, на мне был дом и стряпня в меру сил. Так и жили, пока к концу августа не пришли

бомбёжки, артобстрелы и фашисты. По полдня приходилось прятаться в подвале, трясясь в ожидании смерти от прямого попадания снаряда или бомбы. Я заметила, что начала сесть.

Чуть больше полутора лет оккупации превратились в страшный сон. С самого начала нашу маленькую семью постигло горе. Когда немцы отбирали кур и собранный урожай картофеля, Иван Васильевич бросил обломок кирпича вслед мародёрам. К несчастью, попал. Короткая очередь из автомата отняла душу родного человека.

Соседки, обе вдовы, помогли похоронить дядю Ваню. После этого Семёновна на глазах постарела, а с первыми заморозками слегла в лихорадке. Кушать было нечего. В городе свирепствовали полицаи. Начались массовые расстрелы пленных и местных жителей. Всех, кто мог работать, сгоняли на разбор руин, а некоторых и вовсе увозили в Германию. Почти каждый день вешали людей за пособничество партизанам. Кошмар! В аду и то, наверное, легче.

Не знаю, как выдерживала всё это?! Ежесекундно хотелось выть от бессилия и голода. Я выменяла у одной торгашки за свои позолоченные часики полведра картошки – тем и перебивались некоторое время. С лечением Семёновны снова выручили соседки. Одна принесла отвар из какой-то травы, другая где-то достала курицу на бульон – так понемногу и выходили старушку. За зиму, чтобы не помереть с голоду, пришлось продать все вещи дяди Вани и немногочисленный гардероб Семёновны. К весне мы уже еле передвигались. Я так отошала, что старалась меньше ходить, опасаясь упасть где-нибудь в голодном обмороке.

Мои раны, на удивление, окончательно затянулись, осталась лишь хромота, да «на погоду» сильно болела нога. Как только появилась первая травка, я стала варить из неё похлёбку, которая хоть и была невкусной, но жизнь понемногу поддерживала.

С огромными муками был перекопан весь огород на наличие прошлогодних картофелин. Затем я отправилась за город, где ещё зимой горожане исковыряли вдоль и поперёк бывшее колхозное поле. Не доходя квартал до него, повстречался патруль пьяных полицаев. Эти нелюди, с гадкими шуточками, затащили меня в полуразрушенный дом и изнасиловали по очереди.

Жить не хотелось. Найдя среди хлама обрывок верёвки, решила повеситься. Бог не дал. Из петли меня вытащила старушка, которая видела, как я отбивалась от полицаев. Домой вернулась в сумерках. Семёновна быстро сообразила, что к чему, сбегала к соседке, и уже вдвоём они меня купали, успокаивали и заставили выпить горький отвар из душистой травы.

Я сразу уснула и проспала до обеда следующего дня. Душа немного успокоилась, но как-то закаменела. Злость и жажда мщения дали силы. Я твёрдо намерилась уйти в лес к партизанам. Семёновна отговаривала, не пускала, но я не уступала.

Помешало моим планам открывшееся кровотечение. Что только не делали мои «повитухи» – помогало ненадолго. Так и проболела я всё лето и осень. К Новому году потихоньку отошла, хоть и стала как скелет.

Однажды случайно подслушала разговор Семёновны с соседкой, в котором они сокрушались, что я не смогу никогда рожать. После этого была ещё попытка затянуть на шее петлю. Тоже не вышло: порвалась верёвка.

В январе умерла Семёновна. Тихонько, во сне. Видно, голод доконал. Хоронили вторую маму в снегу – сил на рытьё мёрзлой земли не было. Баба Шура, соседка, сказала:

– При первой же возможности соорудим могилку, коль сами живы будем...

Так и случилось. Как только земля оттаяла по весне, выкопали яму прямо во дворе да похоронили Семёновну как следует. Я было снова засобиралась в лес, но случай свёл меня с одной женщиной. Та, оказалось, работала у немцев и собирала сведения для партизан. Она чистила овощи при кухне у «эсесовцев», одновременно наблюдая за перемещением войск в городе. Я была нужна ей в качестве помощницы и как человек, знающий немецкий язык.

Так я влилась в подполье. Слушала разговоры фашистов, пересказывала Зое, напарнице, и таскала очистки себе да бабе Шуре. Иной раз хотелось всадить нож в горло какому-нибудь приставучему немцу, но приходилось сдерживать себя на благо скорейшей победы.

Когда пришёл февраль сорок четвёртого, снова пришлось дрожать в подвале. Наступала Красная армия. Как же не хотелось погибнуть от «нашего» снаряда, ведь мы так долго ждали этого момента.

После освобождения Луги я распрощалась с бабой Шурой, поклонилась могиле Семёновны и «прибилась» к военному госпиталю. Правда, было несколько неприятных разговоров с капитаном НКВД, но, слава Богу, всё обошлось. Зоя и руководство подполья города рассказали о моей малой лепте на благо Родины, и меня в итоге наградили орденом.

О судьбе своей мамы я узнала после снятия блокады. Мне дали недельный отпуск, и я помчалась домой. Там меня ждало ещё одно горестное известие. Соседка снизу рассказала, как на её глазах мою маму завалило обломками обрушившегося здания. Они вместе бежали к бомбоубежищу, но не успели и попали под авианалёт. Это было ещё осенью сорок первого.

Я сходила на могилку, поплакалась, поведала маме о своих бедах и вернулась в госпиталь. Через месяц меня ранило осколком шального снаряда. Война близилась к концу, и меня комиссовали после выздоровления.

По приезду домой я сразу же направилась в родной театр, где уже собрался небольшой коллектив музыкантов и актёров. Моя чуть заметная хромота не позволила играть в спектаклях, но выручил голос, передавшийся от мамы. Так я стала эстрадной певицей. Фронтвые и довоенные песни в моём исполнении быстро снискали мне известность. Вскоре по городу стали расклеивать даже афиши с моим именем.

А однажды, в первые дни лета сорок пятого года, за кулисы летней эстрадной площадки Таврического сада, сразу же после концерта, ко мне подошёл с букетиком Андрей. Я не знала, как реагировать, ведь, по сути, после войны он оказался единственным, что связывало меня с прошлым. К тому же я до сих пор его безумно любила и грезилась об этой встрече по ночам.

Все точки расставил Андрюша. Он просто сграбастал меня в охапку и не отпускал до самого утра. Через неделю мы поженились. Но прежде я честно рассказала ему о своём горе, что не могу иметь детей; с замиранием сердца ждала ответа. А красавец-майор на это лишь спросил:

– Ты меня любишь?..

Все дни, проведённые вместе с Андреем, превратились в сказку. Мы жили любовью ежечасно, ежесекундно, до безумства радовались подкидышу из роддома, как своему собственному ребёнку, вырастили замечательного сына...

А теперь не стало второй половинки, кончился смысл жизни: тот огонёк, что вёл меня за собой все эти годы. Вася, сынок, купил квартиру и работает в Москве. Внучке уже восемнадцать – всё у них хорошо. Зачем я им? Погощу немного, и

домой: надо же за могилкой Андрюши присматривать...

Поезд остановился. Проводница выпустила всех пассажиров и направилась проверять вагон на предмет забытых вещей. Открыв четвёртое купе, она увидела спящую пожилую женщину. «Вот же, тетеря старая!» – подумала девушка и позвала:
– Женщина, конечная! Выходим, Москва!

Реакции не последовало. С колотящимся сердцем и нехорошим предчувствием проводница тронула старушку за плечо. Голова несчастной безжизненно свесилась на грудь, её тело медленно стало заваливаться назад. Лицо повернулось. Но девушка уже не видела счастливую улыбку на устах пассажирки, она бежала с криками вдоль вагона...

